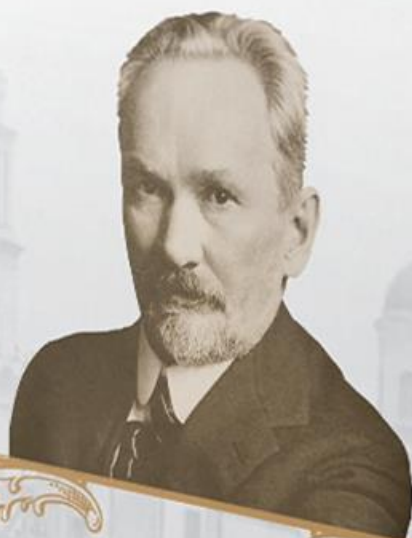

КЛАССИКА РУССКОЙ ИДЕИ

ВАСИЛИЙ
РОЗАНОВ

ОТ ДОСТОЕВСКОГО
ДО БЕРДЯЕВА
РАЗМЫШЛЕНИЯ О СУДЬБАХ РОССИИ

В.В. РОЗАНОВ СРЕДИ ФИЛОСОФОВ

Был ли Василий Васильевич Розанов философом или писателем? До сих пор мнения об этом расходятся. Сам он, конечно, начинал как философ в первой и единственной философской своей книге «О понимании» (1886) с длинным подзаголовком: «Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания».

Окончив в 1882 году историко-филологический факультет Московского императорского университета, Розанов захотел дать «план наук не только сущих, но и всех будущих», самой возможности науки, всех возможных наук, выведя эти возможности из потенциальности разума, его «живой потенциальности». Это называл он своим «открытием» на Воробьевых горах, где жил летом. Книга писалась без подготовки, без справок, без «литературы предмета». Работал легко и радостно в годы службы в прогимназии в Брянске, куда он попал после университета. «Обыкновенно это бывало так, — вспоминал Розанов через тридцать лет. — Утром, в «ясность», глотнув чаю, я открывал толстую рукопись, где кончил вчера. Вид ее и что «вот сколько уже сделано» — приводил меня в радость. Эту радость я и «поддевал на иголку» писательства»¹.

Эту книгу, в основе которой лежит идея зерна и вырастающего из него дерева, идея «живого роста», Розанов считал определяющей для всего своего мировоззрения. В письме К.Н. Леонтьеву он говорит, что книга «О понимании» «вся вылилась из меня, когда, не предвидя возможности (досуга) сполна выразить свой взгляд, я применил его к одной части — умственной деятельности человека. Утилитаризм ведь есть идея, что счастье есть цель человеческой жизни; я нашел иную цель, более естественную (соответствующую природе человека.), более полную во всех отношениях, интимную и общественную»².

Книга направлена против профессоров философии Московского университета, которые чтили лишь позитивизм. Вместе с тем автор видел и слабые стороны своего труда, о которых позднее говорил: «Мне надо было вышибить из рук, из речи, из «умозаключений» своих противников те аргументы, которыми они фехтовали. Надо было полемизировать не с Парменидом, а с Михайловским. Конечно — это слабая сторона книги»³.

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ РАЗВИТИЯ РОССИИ, О КУЛЬТУРЕ, ОБ ЭСТЕТИКЕ

ПОЧЕМУ МЫ ОТКАЗЫВАЕМСЯ ОТ «НАСЛЕДСТВА 60—70-х годов»?

I

Факт, что дети, возвращенные «людьми шестидесятых годов», отказываются от наследия своих отцов, от солидарности с ними и идут искать каких-то новых путей жизни, другой «правды», нежели та, к которой их приучали так долго и так, по-видимому, успешно, — есть факт одинаково для всех поразительный, вносящий много боли в нашу внутреннюю жизнь и, без сомнения, одной силою своею, своим значением имеющий определить характер по крайней мере ближайшего будущего. Между вопросами, занимающими теперь общество, многие более неотложны, более нетерпеливо ждут и нуждаются в разрешении; но нет между ними ни одного столь общего и столь нуждающегося в цельном освещении его причин и смысла.

Прежде всего о внутренней боли, которая чувствуется в этом вторичном разладе между отцами и детьми. Нужно вспомнить то одушевление, ту полную веру людей шестидесятых и семидесятых годов в себя, в свои принципы, в свое близкое и вековечное торжество, чтобы понять всю горечь их разочарования при виде того, как, не говоря уже о дальних поколениях, их же собственные дети, возвращенные в наилучшем ознакомлении с этими принципами, совершенно отвращаются от них — и с ними от самих людей, седины и труд которых они были бы готовы почитать, если бы только не эти принципы. И далее, чтобы понять жгучесть этой боли и чувство ужасного стыда, в ней содержащегося, нужно вспомнить, как проводили люди шестидесятых годов своих отцов — эту светлую плеяду людей сороковых и пятидесятых годов, первых славянофилов и столь же благородных и идеальных первых западников. О, это было время, которое дважды не переживается обществом, и хотя оно теперь только прах истории, но и до сих пор бьется сердце, как за живых людей, за этих отошедших в вечность стариков, при чтении журналов того времени. Поистине «дети», провожавшие тогда в землю отцов своих, как будто себя самих уже считали бессмертными. Среди мно-

Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ

РАЗМОВКА МЕЖДУ ДОСТОЕВСКИМ И СОЛОВЬЕВЫМ

Очень скоро после смерти Достоевского Вл. Соловьев, бывший при жизни в некотором духовном подчинении ему, начал быстро и энергично расходиться с ним. В третьем томе «Сочинений» покойного философа помещены статьи, где мы наблюдаем первые шаги этого расхождения. Каковы были основные его побуждения?

В лучших, золотистых своих страницах Достоевский навел на читателя грезы всемирной гармонии, братства человека и народов, гармонии жителя земли с этою обитаемою им землею и небом; «Сон смешного человека», в «Дневнике писателя» и некоторые места в романе «Подросток» дают в Достоевском почувствовать сердце, которое не словесно только, но реально прикоснулось тайне этих гармоний. Наполовину слава Достоевского основывается на этих золотых его страницах, как ее другая половина основана на знаменитом его «психологическом анализе», если и не высший, то самый знаменитый пример которого дан в «Преступлении и наказании». На прямой и краткий вопрос: «Да за что вы любите так Достоевского?», «за что Россия так чтит его?» — всякий скажет кратко и почти не думая: «Как же, это самый *проницательный* в России человек и самый — *любящий*». Любовь и мудрость — вот два венца Достоевского, около которых более проблематичны остальные.

В одном месте выражения этой экстатической любви, в «Бесах», он говорит: «Я — всему молюсь; вот ползет паук по стене — я и ему молось». Паук — это что-то злое. Но силою любви, из него исходившей, Достоевский преодолевал самое зло, разгонял потоками психического света всякую тьму, и, как в знаменитых словах о «солнце, восходящем над злыми и добрыми», — он тоже разламывал перегородки добра и зла и снова чувствовал природу и мир невинными, даже в самом зле их. В секунду этой «гармонии» — его лично, Достоевского, «гармонии» — вина снималась с мира, и он (Достоевский) знал тайну мира искупленного, о чем мы болгаем пустые деревянные слова, в сущности вовсе не зная и не постигая, что такое для мира быть «искупленным». Метафизический секрет

К.Н. ЛЕОНТЬЕВ

ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ ИСТОРИИ

(Теория исторического прогресса и упадка)

Я праздновал бы великий праздник радости, если бы сама жизнь или чьи-нибудь убедительные доводу доказали мне, что я заблуждаюсь.

К.Леонтьев

I

Все, привыкшие следить за литературной критикой, вероятно, с большим любопытством встретили ряд статей, помещенных в «Русском Вестнике» за истекший 1890 год и посвященных разбору двух главных романов гр. Толстого: «Войны и мира» и «Анны Карениной»⁴⁰. Имя, подписанное под этими статьями, не принадлежит к числу тех, которые утомили своим звуком слух, и даже для многих читателей, вовсе не равнодушных к литературе, оно, вероятно, показалось ново. Правда, кто привык толкаться, в качестве зрителя или действующего лица, по базару литературной суеты, мог припомнить это имя из «Биографии и писем» покойного Ф.М. Достоевского⁴¹. Но и это мелькнувшее, хоть и незабытое впечатление было как-то двусмысленно: в желчных строках Достоевского сказалась какая-то ненависть... Во всяком случае, это впечатление было слишком кратко, чтобы пробудить в читателях ищущий интерес, а тот, к кому относились эти мимолетные заметки, по-видимому, сам нисколько не заботился о том, чтобы привлечь к себе внимание. Его имя не повторялось в газетах и журналах, и было естественно для каждого подумать, что он стоит в стороне от большой дороги, по которой движется развитие идей, владеющих сознанием нашего времени. Вне этого движения, из какого-то глухого угла, раздался и замолк голос, который тотчас же покрылся тысячею других голосов, правда, не очень внятных и вовсе не вызывающих в нас желания прислушаться к ним, но шум которых, вопреки этому желанию, совершенно не дает возможности сосредоточиться на чем-нибудь, что им не вторит, с ними не совпадает.

«В своем отечестве никто не бывает пророков» .. неужели это всегда правда? Неужели и ни одно отечество, вечно повторяя эти слова, никогда не оглянется на себя и не поймет тех, кто его так любит, ради него столько несет?.. И тогда зачем же этот горький дар предвидения, эти силы души, пронизательность разума, красота слова? Неужели лучшие дары нашей природы ниспосланы нам в издевательство, чтобы только сделать более горьким наше существование?

ПОЗДНИЕ ФАЗЫ СЛАВЯНОФИЛЬСТВА

1. Н.Я. Данилевский. *«Россия и Европа»*. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германороманскому. Изд. 5. СПб., 1895.

Труд, не имевший при жизни автора никакого почти успеха, вышел ныне уже пятым изданием. Не будет излишне смелым, если мы скажем, что книга эта становится настольною для всех высоких кругов русского образованного общества; еще не вся учившаяся Россия ее знает; но, кажется, можно предположить, что ее знает вся Россия размышляющая, колеблющаяся, ищущая истины среди моря мыслей, частью туземно вырастающих, частью навеянных к нам с Запада.

Конечно, всякий, кто причисляет себя к сторонникам славянофильской мысли, может только радоваться при виде этого широкого успеха, какой выпал на долю хотя одной книги, выражающей им чтимую доктрину. Но он не скроет от себя и должен сделать усилие, чтобы разъяснить обществу, что в этой столь читаемой книге выражена еще не вся доктрина и даже не самая ее ценная часть.

I

Теория культурно-исторических типов, предложенная Н.Я. Данилевским, вовсе не есть завершение славянофильской теории, не есть ее высшая фаза, как это утверждают почти все ее критики и последователи. Гораздо правильнее ее можно определить как скорлупу, которая замкнула в себя нежное и хрупкое содержание, выработанное первыми славянофилами и после никем не поправленное, никем не разрешенное. В их трудах, так мало систематических, что их можно принять за черновые наброски, случайно попавшие в печать, дано все то *положительное*, что и до сих пор мы находим в славянофильстве. К сожалению, труды эти совершенно не распространены, и мы боимся, не в силу ли предубеждения, что в книге Данилев-

В.С. СОЛОВЬЕВ

ОТВЕТ Г. ВЛАДИМИРУ СОЛОВЬЕВУ

В статье «Свобода и вера», помещенной в январской книжке «Русского Вестника», я попытался установить границы так называемой внешней свободы, — в отличие от внутренней, субъективной, которая управляется своими особыми законами и с первою имеет общее только в имени. Мне казалось, и я там высказал, что лишь в меру своей веры каждое живое существо истинно нуждается в свободе и может се для себя требовать; требовать в степени столь безусловной, как безусловна его вера, и в тех именно определенных границах, в которых совершить некоторую деятельность у него есть назначение.

Так изложенный, этот взгляд и есть, и может быть понят только как направленный против индифферентистов. Индифферентизм я считаю отрицанием жизни; и в законы бытия, его все живущее какою-либо верою, утверждением так же не может проникнуть, и не должно, как он сам, разрушая все живое, не проникает в смысл особых, в нем лежащих, утверждений. И если, противопоставив его хаотической свободе принцип свободы живой и созидающей, я дал утверждающему в истории началу некоторый, против нее перевес, — я начинаю думать, что сделал нечто не незначительное. Статья, которая в побочных сторонах своих исполнена недостатков, в главном содержании своем мне представляется теперь и ценною, и важною. Непреднамеренно, я произнес слово, которое всего нужнее было произнести, — и которое я хотел и готовился произнести когда-нибудь, но не теперь, и не с силами утомленными, какими одними располагаю. В век равнодушия, разложения, я произнес слово: *нетерпимость*; конечно, лишь слабость моих слов, неслышность моего голоса была больна, а не самый смысл слова. Но если оно услышано, я его повторяю: «да, нетерпимость; да, непонимание законов умирающего; да, отвращение к нему до неспособности переносить его вид»¹⁰⁷.

I

Мой противник называет это «законом жизни животной»¹⁰⁸; он не находит слов, достаточно сильных, чтобы заклеить его¹⁰⁹; и, наконец, просто отвергает, чтобы я высказал его серь-

П. А. ФЛОРЕНСКИЙ

Густая книга

Столп и утверждение истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. М., Книгоиздательство «Путь», 1914.

I

Последние два-три года все лица, преданные философским и богословским занятиям или размышлениям в России, ожидали терпеливо выхода книги, заголовок которой мы привели. Она давно значилась «печатающеюся» в списке новых книг московского книгоиздательства «Путь», идущего вообще «против течения» нашей журнальной, газетной и отчасти книжной литературы. Но уже вышел в «издательстве» Скворорода, вышел А.С. Хомяков, вышли князь Одоевский, Чаадаев и серия других меньших, а «столп» все «печатался». Многие, вероятно, уже причислили книгу к тем вечно «печатающимся» и никогда не «выходящим» книгам, которые объясняются нашей обломовщиной. Но, наконец, она появилась. В 1000 страниц — из которых 400 составляют петит «примечаний и мелких заметок», — обдуманная во всех подробностях, начиная от золотисто-зеленой обложки, передающей господствующие цвета иконописи в новгородском Софийском соборе, — она и должна была вызвать годы собственно *печатания*. Тут все трудно, обдуманно; нет строки легкой, беглой. Вообще — ничего беглого, скользящего, мелькающего. Каждая страница не писалась, а выковывалась. И кажется, нельзя усомниться, что мы имеем перед собой книгу, которая

Пройдет веков завистливую даль.

Это — «столп» вообще русский, чего-то русского. Имея предметом своим церковь, православие, — она утверждает в то же время славянофильство, бредет в путях этих идеалистов 40-х годов, которые также полагали, что «говорить и думать о России» — значит прежде всего говорить и думать о православии, как особой стихии «восточного греско-славяно-русского» мирозерцания. Но это лишь намечает грани и дух,